

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 101.1:316

Буренков С.В.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа видов деятельности, обычно ассоциируемых с понятиями «работа», «труд» и т. д. На основании проведённого анализа предложен вариант состава критериев, отражающих схожие черты и различия между тремя выделенными видами деятельности и, соответственно, позволяющих достаточно чётко идентифицировать видовую принадлежность той или иной конкретной деятельности. Сформулированы выводы относительно возможных критериев выделения видов деятельности и обозначена перспектива решения терминологической проблемы, возникающей из-за употребления указанных понятий в качестве тождественных.

Ключевые слова: деятельность, труд, работа, создание, мотив, цель.

S. Burenkov

Moscow State Regional University

TOWARDS THE ISSUE OF THE TYPES OF HUMAN ACTIVITY

Abstract. In the study an attempt was made to analyze the types of activities usually associated with such concepts as “work”, “labour”, etc. Based on the analysis that was carried out a version of criterion structure was offered, representing similarities and differences between the three emphasized types of activity and, respectively, permitting to identify the type of a particular activity rather clearly. Besides, the outlook of the terminology problem, which emerges when the given concepts are used as identical, was highlighted.

Key words: activity, labour, work, creation, motive, aim.

Человеческая деятельность в области материального и нематериального производства представляет собой, безусловно, комплексное явление. Тем не менее,

данное явление вполне открыто для прямого анализа, поскольку крайне трудно было бы избежать хотя бы косвенного взаимодействия с результирующими его продуктами, оказаться в роли безучастного наблюдателя, лишённого хоть какой-нибудь социальной активности. Иными словами, материал, подвергаемый исследованию, чуть ли не изначально имеется «на руках», так как тот, кто исследует человеческую деятельность в этом её ключе, обязательно в той или иной степени сам находится в процессе её осуществления. Однако именно эта «непосредственность» подчас делает затруднённым адекватное восприятие феномена. Как известно, то, что дано «по умолчанию» и вроде бы понятно всем, находится в интеллектуальном фокусе далеко не на первом плане. Интуиции, связанные с ощущением сложности, неоднородности указанного феномена, имеют место нередко, и их появление закономерно и показательно. Продуктивными же одни могут стать, видимо, при переводе разговора в более предметное русло. Если существует больше одного вида деятельности (а это, вероятно, так и есть), необходимо выяснить, что это за виды, чем они отличны друг от друга и в чём друг с другом схожи. Это и определяет их место и значение в социальной практике. Традиционно же с деятельностью, осуществляемой в указанном ключе, ассоциируются понятия «работа», «труд», «ремесло», «изготовление» и т. д.

Х. Арендт проводит чёткую границу между трудом и созданием, при этом фактически отождествляя понятия «труд» и «работа» [1, с. 104]. В свою очередь, традиционное деление труда (работы) на производительный

и непроизводительный предстаёт, по её мнению, очевидно, неадекватным действительности на том основании, что непроизводительный труд в строгом смысле слова не может считаться непроизводительным. Недоразумение возникает потому, что такой труд производит нечто, отличное от вещественно-наглядного продукта производительного труда. Единственным продуктом в данном случае является свобода. А именно: производятся условия, позволяющие быть независимыми от данного вида работы некоторым представителям человеческого общества [1, с. 112]. Иными словами, непроизводительный труд на самом деле производит свободу, но не для тех, кто является его непосредственными исполнителями.

Однако принципиальным для того, чтобы констатировать высокую степень идентичности между обоими видами труда (работы), здесь следует считать вопрос о характере завершающего их процесса потребления. В случае с производительным трудом, потребление его продукта оказывается отложенным на некоторое время. Но при этом временной интервал, разделяющий акты производства и потребления, имеет выраженную тенденцию к сокращению. Ярким примером здесь может служить современная система массового производства, причём как условно высокотехнологичного, так и технически примитивного. Поясним: производительный труд имеет своим продуктом некий предмет, входящий в реальность, но так же быстро покидающий её. В случае же с непроизводительным трудом, его продукт (та самая свобода) потребляется в известном смысле моментально, здесь и сейчас.

Можно заметить, что, учитывая указанную выше тенденцию сокращения временного интервала между производством и потреблением, различие между двумя рассматриваемыми видами труда оказывается не столь существенным. При этом моментальное потребление продукта непроизводительного труда, разумеется, не означает, что потребитель уже в первую секунду после свершившегося акта потребления начинает вновь испытывать нужду в данном продукте. Пользуясь для примера ситуацией взаимоотношений господина и раба, легко показать, что господин не перестает быть свободным, когда раб закончил порученное ему дело и отправился отдыхать, т. е. ничего в настоящее время не производит. Услуга, оказываемая рабом, потребляется в тот момент, когда он её произвёл, вызывая положительный для господина и, что главное, некоторое время длящийся эффект освобождения от конкретного дела. По окончании времени действия эффекта или при появлении другого задания возникает необходимость в новой услуге. Раб получает распоряжение о новом деле, и цикл повторяется – он должен будет вновь вернуться к своим обязанностям. В отличие от оказываемой им самим услуги, которая потребляется господином, сам раб, как вещь, подлежит *употреблению*.

Это различие между потреблением и употреблением является ключевым при проведении границы между трудом (работой) и созданием. Потребление является атрибутом труда, употребление – атрибутом создания. Само различие заключается в неодинаковом решении потребителем и пользователем вопроса о том, как долго вещь

должна пробыть в объективном мире. Неодинаковой оказывается, соответственно, и позиция производителей касаясь данного вопроса. Употреблять вещь или, что то же самое, пользоваться вещью желательно как можно дольше. Причиной такого отношения выступает, видимо, высокая значимость вещи. Такая значимость обусловлена затраченными изготовителем силами, сопутствующими процессу изготовления трудностями и т. д.

Решение вопроса в пользу употребления идёт от осознания того факта, что созданный предмет является предметом многократного использования и при этом значительно расширяет круг возможностей обладателя. Утрата предмета обратно сужает этот круг, делая решение специфических задач, для которых предназначался предмет, затруднительным или вовсе невозможным. Для его повторного расширения необходимо вновь заполучить данный предмет или аналогичный ему, что не всегда реально: играют роль дороговизна, отсутствие в данный момент в зоне возможного доступа, продолжительный период изготовления и т. д. Подобное отсутствие желания «смерти вещи» не характерно для потребления, изначально ориентированного на быстрое уничтожение вещи и замену её другой. Отсюда следует, что, поскольку потребление, понимаемое тождественным уничтожению, отлично от употребления, для которого кажется подходящим тождество с использованием, очевидно не одно и то же, постольку существует объективная разница между трудом и созданием.

Разница между созданием и трудом (работой) состоит также в том, что «именно продукция создания, а не

продукция труда обеспечивает ту долговечность и устойчивость, без которых мир был бы просто невозможен» [1, с. 121]. Именно такая продукция делает воспринимаемый человеком артефактный мир стабильным в степени, достаточной, чтобы индивид мог чувствовать свою собственно человеческую сущность, вести именно «человеческую» жизнь. Находясь в окружении созданных вещей и взаимодействуя с ними, индивид извлекает тем самым аккумулированный в них социальный опыт, причём иного способа такого извлечения, видимо, найти нельзя. «И степень миропринадлежности создаваемых вещей, представляющих в своей совокупности творение человеческой руки, может быть измерена лишь теми длинными или краткими промежутками времени, на какие вещи мира переживают вспыхивающую и вновь исчезающую жизнь смертных людей» [1, с. 123]. Таким образом, измерение «степени миропринадлежности» становится возможным только применительно к продуктам создания.

Указанные различия, впрочем, не отменяют общности некоторых черт, присущих и труду (работе), и созданию. Единым основанием здесь выступает принуждение к деятельности. Причиной того, что индивид берётся за исполнение трудовых (рабочих) обязанностей, является необходимость удовлетворения им собственных первичных (базовых) потребностей. Их удовлетворение делает возможным физическое существование в окружающем мире индивида и тех, о ком он непосредственно заботится. Поэтому продукт труда является, по сути, побочным продуктом. Аналогичным образом дело обстоит и с продуктом

создания. Несмотря на то, что данный продукт ориентирован на употребление, он точно так же является продуктом побочным, поскольку во главу угла снова ставится удовлетворение тех же самых первичных потребностей изготовителя. Иначе говоря, центральное место и в первом, и во втором видах деятельности отведено функционированию механизма нужды. Раб исполняет поручения господина, стараясь тем самым гарантировать собственное существование. Изготовитель, будь то античный или средневековый ремесленник, вынужден заниматься собственным ремеслом (не без личного интереса в одном случае, но в другом – и без него) снова для обеспечения собственной жизнедеятельности и жизнедеятельности членов своей семьи. Та же логика распространяется на рабочего на любом этапе индустриального развития.

Ещё одной общей чертой труда (работы) и создания является, видимо, полное отсутствие в обоих видах деятельности творческого элемента. Трудовому (рабочему) процессу, взятому в современном состоянии глубокой специализации, он, более того, в известной степени противопоставлен. Дело преимущественно сводится к инструктивному выполнению поставленных извне задач, что можно видеть на примере как ныне существующих, так и уходящих в прошлое систем организации труда или научного менеджмента. Наглядными, скорее даже хрестоматийными, образцами являются тейлоризм и фордизм.

Обе системы роднит между собой принцип максимальной стандартизации набора трудовых операций и их технического обеспечения. Фредерик

У. Тэйлор приводит пять примеров, иллюстрирующих предложенную им научную организацию управления рабочим процессом. Первый пример касается переноски чугуна в болванках, последний посвящён организации управления «сложными типами механических производств – изготовлению частей машин и резке металлов» [11]. Стандартизация везде проходит по одной и той же схеме, подчиняющейся простой установке – стандартизировать в рабочем процессе необходимо всё, что возможно. Например, технический инструментарий не подвергается стандартизации только в том случае, когда его использование в конкретной работе просто не предполагается, как в примере с переноской чугуна.

В общем виде ситуация выглядит следующим образом: путём различного рода измерений, включающих хронометрирование, выяснение весовых и иных характеристик того, что входит в поле приложения сил рабочего, точно определяется необходимый объём работ, гарантирующий выполнение этого объёма рабочий ритм, способность держать который во многом решает вопрос о пригодности рабочего для конкретного вида работы, набор движений и поз, обеспечивающих эффективность рабочего процесса, режим перерывов на отдых и т. д. Один из сторонников применения системы Тейлора, Франк Б. Джильберт, «установил точное положение, которое каждая из ног каменщика должна занимать по отношению к возводимой стене, шайке с цементом и куче кирпичей <...> выяснил наиболее удобную высоту для шайки с цементом и кучи кирпичей» [11] и т. п., в результате сократив количество движений, необходимых

на проведение одного полного рабочего цикла, с восемнадцати до пяти. Такая реорганизация рабочего процесса действительно делает его менее утомительным и более эффективным. Но позитив от указанных нововведений для рабочего практически целиком нивелируется за счёт увеличения нормы выработки или сокращения продолжительности рабочего дня при сохранении прежней нормы.

Фордизм, воспринявший от системы Тэйлора принцип стандартизации максимального числа элементов рабочего процесса, сделал акцент на использовании вкупе с ним конвейерной технологии. Единый ранее рабочий цикл производства конкретного продукта разбирался на составляющие его операции, которые получали статус самостоятельных задач и в качестве таковых препоручались рабочему, результатом чего являлось усиление специализации – рабочий становился узкоспециализированным. Тривиальный характер производимых им операций не требовал сколько-нибудь значительного уровня профессионального мастерства, что приводило к постепенной утрате рабочим профессиональных навыков и обеднению содержания его деятельности. Происходило то, что Г. Брэверман назвал деградацией труда и лишением труда его ремесленного наследия [12]. Эта проблема не была снята в ходе эволюционных преобразований, которым с течением времени не могли не подвергнуться системы организации труда. Показательным примером может служить феномен макдональдизации общества, ключевыми составляющими которого являются всё тот же принцип тотальной стандартизации, потеря

значимости реальных квалификационных требований и т. д. [10].

Важно заметить, что речь идёт именно об усилении специализации (об усилении тотальном), а не о возникновении её в качестве чего-то принципиально нового для человеческого общества с приходом промышленной эры или, шире, с возникновением человеческого общества как такового. Можно легко представить ремесленника (изначально не являющегося универсальным мастером, т. е. уже оказывающегося в той или иной степени специалистом), который, в силу неких неизвестных нам обстоятельств, решил специализироваться исключительно на создании сосудов, пусть даже вполне определённого типа. Но представить ремесленника, занимающегося исключительно изготовлением какой-то отдельной части от целого предмета, будь то ручка, донце, венчик применительно к рассматриваемому примеру с сосудом, крайне затруднительно, да и просто нелепо.

В свою очередь и процесс создания, понимаемый в ремесленном ключе, нередко обеспечивает скорее тиражирование вещей, которое в принципе не предполагает появление чего-то действительно нового. Вещь воспроизводится по образцу существующих и ранее существовавших и, за исключением мелких нюансов, ничем от них не отличается. Если понимать под творчеством процесс создания чего-то нового, решения новой задачи или имеющейся задачи новым способом, процесс создания в том смысле, в котором о нём здесь идёт речь, не имеет к творчеству отношения. Затруднение возникает в случае игнорирования того, казалось бы, очевидного обстоя-

тельства, что творчество следует отличать от искусности. Результатом последней является достижение высшего уровня пригодности предмета для решения определённой, уже имеющейся задачи определённым, уже имеющимся способом. Шедевр, в «ремесленном» значении этого слова, является примером именно искусности мастера, но не творчества как такового. Тем не менее, практически одинаково присущая и труду (работе), и созданию творческая стерильность никак не отменяет того факта, что процесс создания, наглядным образом представленный в ремесле, является куда более целостным и богатым по своему внутреннему содержанию сравнительно с рабочим процессом. В этом плане говорить о деградации труда при его отдалении от ремесла вполне справедливо.

Отсутствие творческого элемента в труде (работе) и создании, конечно, не может прямо свидетельствовать о существовании некоего вида деятельности, где такой элемент имеется, и, вероятно, играет ведущую роль. Однако никакого запрета на существование также нет. Иными словами, такой вид деятельности должен всегда предполагать творческий процесс. Это не значит, что индивид, вовлечённый в подобную деятельность, в каждый момент времени наполняет мир вокруг себя предметами, не имеющими аналога – полноценно творческими артефактами. Это также не значит, что до самого момента создания такой вещи индивид как бы выключен из творческого процесса и действительным творцом становится только в тот краткий миг, когда вещь входит в мир. Проблемы не возникает, если признать, что творчество есть двунаправленный

процесс. Человек – не только «причина творящая», но и «следствие», т. е. «творимое» [3, с. 33]. Выведение «во вне», т. е. в мир, новой вещи не является единственным условием, способным придать деятельности творческий характер. При направленности «внутри» объектом воздействия для индивида становится он сам. Иначе говоря, индивид создаёт «нового себя» через «новое в себе». Поскольку опыт социума богаче любого индивидуального опыта, постольку создание «нового в себе» необходимо движется путём решения уже исследованных ранее социумом задач. В этом смысле, любое действительно развивающее обучение всегда есть творчество.

Выбор в дилемме «потребление – употребление» для произведённого посредством такого вида деятельности продукта должен быть сделан, видимо, в пользу второго. Те самые новообразования, возникающие при направленности творческого процесса «внутри», не исчезают бесследно в скором времени после своего появления, как должно было бы случиться в случае, если бы они подлежали потреблению. Они делают возможным продуктивное движение в зоне ближайшего развития индивида, т. е. выступают необходимым инструментарием для достижения нового качества. В случае же с «эксплозивным» процессом творчества, употребление продукта осуществляется через извлечение социально и / или индивидуально значимой информации, социально-деятельностного опыта из любого созданного таким образом предмета или множества предметов (как фиксированных непосредственно, так и опосредованно, через иной предмет как носитель

информации) любым индивидом или группой таковых для решения поставленной задачи.

Далее следует заметить, что деятельность, всегда предполагающая творческий процесс, одновременно не предполагает принуждения. Такая деятельность становится в полной мере возможной только тогда, когда отсутствует главное основание принуждения – неудовлетворённые первичные потребности. Именно условие свободы от нужды такого рода является необходимым условием действительно творческого акта. Положение о том, что «свобода от» выступает гарантом возможности «свободы для», находит подтверждение на примере экономики античного полиса. Рабы, удовлетворение первичных потребностей которых поставлено в зависимость от свободных граждан, снимают с последних бремя забот о делах, обеспечивающих физическое существование. Здесь потребности индивида действительно удовлетворены вполне конкретным способом, и, что является самым главным, без его участия или с минимальным таковым. (Нужно сказать, что само по себе творчество редко когда избирается основным инструментом удовлетворения жизнеобеспечивающих потребностей в виду того, что творческий процесс – предприятие крайне энергоёмкое и рискованное, как правило требующее ещё и значительных временных ресурсов. Эти цели служат «более надёжные» в плане гарантий виды деятельности – труд (работа) и, несколько реже, создание.)

Собственно со «свободы для» открывается не только перспектива творчества, но и перспектива самой жизни индивида в её именно «человеческом»

качестве. При этом как первое, так и второе являются неотделимыми друг от друга. В этом плане показателен комментарий Х. Арендт касаясь присутствующего античности восприятия этой проблемы: «...рабы нужны поскольку существуют необходимые занятия, по своей природе “рабские”, а именно состоящие в рабстве у жизни и её нужд. Поскольку люди подчинены жизненной необходимости, они могут стать свободными лишь подчиняя других и силой заставляя их взять на себя удовлетворение жизненных нужд господ» [1, с. 108]. И далее: «...институт рабства был не средством добыть дешёвую рабочую силу или «эксплуатировать людей ради прибыли, чем он стал позднее, но намеренной попыткой исключить труд из числа условий, на которых людям дана жизнь. То, что общее человеческой жизни с другими формами животной жизни, было сочтено нечеловеческим» (курсив наш. – С. Б.) [1, с. 109].

Таким образом, представляется оправданным говорить о существовании, по меньшей мере, трёх видов деятельности, прямо и, в некоторых случаях, косвенно связанных с производственным процессом. Первый из них характеризуется наличием принуждения, отсутствием творческого компонента и той особенностью, что произведённый в рамках данного вида деятельности продукт изначально ориентирован на практически моментальное его потребление. Ориентация на потребление, в свою очередь, тесно связана с тем обстоятельством, что процесс производства конкретного продукта утрачивает целостность, подразделяясь на отдельные задачи, поручаемые разным исполнителям. Другой

вид деятельности, имея с предыдущим в качестве общих черт первые две, принципиально отличен от него ориентацией на употребление произведённого продукта. Производственный процесс здесь сохраняет свою целостность, отчасти снимая риск полной утраты богатства содержательной стороны деятельности. Наконец, третий вид имеет своей уникальной характеристикой то, что он всегда предполагает процесс творчества, являющийся, как было сказано выше, двунаправленным, и не может осуществляться в условиях принуждения.

Все три вида деятельности могут быть подвергнуты анализу со стороны её общей структуры, включающей в качестве основных компонентов потребность, мотив, цель, действия и операции. Отвечающий некоторой потребности предмет является мотивом деятельности. При этом «главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов» [7, с. 80], а, следовательно, и мотивов. Осуществление деятельности становится возможным за счёт совокупности мотивированных действий, направленных на конкретные цели. Действие, понимаемое как целенаправленный процесс, в свою очередь имеет интенциональный и операциональный аспекты. Первый определяется целью, по сути, являясь постановкой и ответом на вопрос «что должно быть достигнуто?», второй – объективно-предметными условиями, в рамках которых осуществляется действие, поэтому «что» здесь уступает место «как», иначе говоря – каким способом необходимо действовать. Цель, данная в определённых условиях, трактуется в качестве задачи. Способы же осуществ-

вления деятельности носят название операций. Таким образом, действие соотносится с целью, операции – с условиями, поэтому действие отвечает задаче [7, с. 80–84].

Особенно значим тот факт, что в процессе своего осуществления деятельность подвергается трансформациям, обусловленным взаимными переходами, происходящими на уровнях действий и операций. При обстоятельствах, делающих процесс осуществления деятельности сравнительно более сложным (например, появление задачи, требующей иного, отличного от уже знакомого способа решения), операция теряет свой прежний статус и, приобретая собственную цель, переходит в ранг действия, становясь таковым. И наоборот: при условиях, упрощающих ситуацию (достижение необходимого уровня компетентности), действие становится операцией. (А.Н. Леонтьев приводит в качестве примера этого процесса обучение вождению: «Первоначально каждая операция, например переключение передач, формируется как действие, подчинённое именно этой цели и имеющее свою сознательную «ориентировочную основу» (Гальперин). В дальнейшем это действие включается в другое действие, имеющее сложный операционный состав, – например в действие изменения режима движения автомобиля. Теперь переключение передач становится одним из способов его выполнения – операцией, его реализующей, и оно уже перестаёт осуществляться в качестве особого целенаправленного процесса: его цель не выделяется. Для сознания водителя переключение передач в нормальных случаях как бы вовсе не существует.

Он делает другое: трогает автомобиль с места, берёт крутые подъёмы, ведёт автомобиль накатом, останавливает его в заданном месте и т. п.» [7, с. 85].)

Для первых двух видов деятельности, труда (работы) и создания, можно констатировать наличие одного и того же мотива (ведущего, но не единственного!), отвечающего первичным потребностям индивида. Иными словами, и в том, и в другом случае речь идёт о вполне определённой направленности субъекта на удовлетворение этих потребностей, о чём говорилось выше. При этом совершенно не обязательно, чтобы продукт прямо приводил к угасанию потребности. Чаше этот эффект достигается косвенным путём. Созданный ремесленником керамический сосуд либо поступает в продажу, на вырученные с чего деньги и происходит приобретение необходимых продуктов, удовлетворяющих первичные потребности, либо обменивается на них. Аналогично происходит и с продуктами труда (работы).

Однако по признаку содержательного наполнения структурных компонентов деятельности, оба вида существенно отличны друг от друга. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить ремесленное производство (как яркий образец создания как вида деятельности) с глубоко специализированным промышленным (с современным образцом труда (работы)). При изготовлении ремесленным способом упомянутого керамического сосуда необходимо соблюсти технологически сложный процесс, осуществление которого невозможно без обладания специальными навыками. Этот процесс в предельно обобщённой форме включает в себя подготовку глины,

которая сама по себе достаточно трудоёмка и требует времени, использование определённого способа работы с глиной, как правило, нуждающегося в своём специальном инструменте, будь то турнетка, готовые формы для заливки, гончарный круг и т. д., и, наконец, не менее технологически нюансированные сушку и обжиг. Главное же – это то, что для нормального осуществления ремесленником своей деятельности необходимо, чтобы многое из того, что раньше могло быть отнесено и относилось к разряду действий, утратило свой прежний статус и превратилось в операции.

Для ученика, только приступившего к освоению гончарного ремесла, правильная постановка рук при работе на гончарном круге представляется нелёгким делом. Ещё труднее на этом уровне добиться хоть сколько-нибудь приемлемого результата при формовке изделия. Поэтому изначально каждый технически важный элемент имеет статус самостоятельного действия, соотносённого с собственной целью. Например, центровка глины на круге, для мастера являющаяся автоматически выполняемой операцией, для ученика носит характер действия, уже в свою очередь дробящегося на отдельные операции (формование конуса, шайбы, своевременное изменение скорости вращения круга и т. д.) и подчинённого цели – возможности перейти к следующему этапу работы (сама же суть операции центровки состоит в обеспечении гарантии от срыва изделия с круга благодаря ликвидации биения глины).

Иная ситуация складывается в условиях промышленного производства конвейерного типа. Здесь условие участия индивида в производственном

процессе практически не предъявляет требований к обладанию им комплексом сложных профессиональных навыков. Как было сказано выше, единый ранее (т. е. в условиях ремесла, если точнее), индивидуально исполняемый процесс изготовления продукта разбирается на составляющие операции. Эти операции или поручаются отдельным рабочим, или отходят в область чистой техники, где рабочего заменяет любое сконструированное для этих целей, более эффективное в свете избранных параметров устройство. При этом «каждый шаг вперёд по пути использования более специализированных, более совершенных и более производительных машин требует дальнейшей специализации задач» [8, с. 155].

В итоге можно констатировать факт, что «судьба операций рано или поздно становится функцией машины» [7, с. 85]. При этом нередко «порученная» техническому устройству операция по сути представляет собой работу, которая вполне могла быть представлена как свидетельство высокой компетенции специалиста, исполнявшего её вручную. Примером может служить современный гравировальный станок, который без затруднений посредством, например, USB-порта может быть связан с обычным компьютером. При выборе автоматического режима работы взаимодействующему с интуитивным интерфейсом ПО устройства ювелиру или гравёру остаётся совершить ряд несложных, доступных практически любому человеку после нескольких часов знакомства с аппаратом операций по подготовке изображения к нанесению на требуемую поверхность. Сам процесс гравировки происходит

без его участия, что никак не сказывается на уровне исполнения, который, как правило, соответствует предъявляемым к работе требованиям. Таким образом, для выполнения достаточно качественной гравировки в современных условиях навыков, сравнимых с навыками гравёра, работающего вручную штихелем, в принципе не требуется. Иные «порученные» какому-то устройству операции могут носить более тривиальный характер и мало отличаться от операций, совершаемых конвейерным рабочим.

Наиболее значимый момент, тем не менее, заключается в другом. «Машины выполняют только операции, только системы операций. Они лишены субъективных мотивов, и то, что они делают, не имеет для них смысла. Они не целеполагают и не могут осознавать цели. Они способны только следовать условиям, а это и значит – выполнять операции» [6, с. 8]. Деятельность же рабочего, безусловно, мотивирована, причём сам мотив вполне определён – как уже было упомянуто, он отвечает желанию и необходимости удовлетворять первичные потребности индивида. Однако на этом различие между функционированием машины и деятельностью конвейерного рабочего сходит на нет. Разумеется, поскольку рабочий мотивирован, он целеполагает и осознаёт цель, но эта цель с осуществляемой им деятельностью в её профессионально-техническом значении никак не связана¹. Доля производ-

¹ Характеризуя экстравертный, не приносящий непосредственного удовлетворения труд, который и играет ведущую роль в экономике, Л. фон Мизес его отличительной чертой называет как раз «то, что он выполняется ради цели, находящейся вне процесса его выполнения и связанной с ним отрицательной полезности» [8, с. 549].

ственного процесса, которая поручена конкретному рабочему, является продуктом столь сильного раздробления этого процесса, что выступает перед ним как нечто, почти целиком или целиком лишённое смысла, поскольку слабо соотносится с конечным результатом производства, является неочевидной и тем самым как бы выпадает из цельной производственной картины. Иными словами, к удовлетворению первичных потребностей (мотив) приводят занятия, фактически лишённые собственного смысла (цель), причём такая бессмысленная деятельность реализуется, в виду специфики конвейерного производства, исключительно на уровне операций, что и обуславливает бедность её содержания, низкие квалификационные требования и т. д.

В условиях описанной ситуации (как, впрочем, и в ремесле в преобладающей доле случаев) не наблюдается того, что А.Н. Леонтьев назвал сдвигом мотива на цель или их совпадением [7, с. 160, 82] в его нормальном варианте. Суть сдвига заключается в том, что цели, в исходной деятельности определяемые конкретным мотивом, побуждаемые им, становятся самоценными, т. е. приобретают статус мотива. Соответственно, отделяются от первоначальной мотивации и действия, реализующие эти цели. Иными словами, индивид искренне проникается своим занятием, ставшим, освободившись от первоначального мотива, для него самоценным.

Основная гипотеза проведённого в 1967 г. А.Г. Здравомысловым и В.А. Ядовым исследования «Человек и его работа» была сформулирована следующим образом: «чем выше со-

держание труда, тем более значимы в их влиянии на удовлетворённость работой содержательные стороны профессиональных занятий, а менее значимы заработок и условия труда» [5, с. 416–417]¹. Иными словами, её смысл (и теоретический, и идеологический, как замечают авторы) заключается «в том, что если содержание работы, её творческие возможности более существенны в мотивации труда, по сравнению с заработком и другими «внешними» мотиваторами, то имеет место тенденция превращения труда в первую жизненную потребность личности» [5, с. 412]. Вполне возможна интерпретация данной гипотезы в русле используемого нами деятельностного подхода. Предполагать сдвиг мотива на цель можно далеко не для любой деятельности. Чтобы такой сдвиг стал объективной возможностью, а затем и фактом, деятельность должна обладать некоторым уровнем богатства её содержательной стороны. И.Д. Джоухадзе, характеризуя взгляды Аристотеля, говорит, что последний считает свободной трудовой деятельностью только ту деятельность, которая не имеет цели ($\alpha\text{-}\tau\epsilon\lambda\eta\varsigma$), т. е. «полностью исчерпывает своё значение в своём собственном исполнении», и, таким образом, предстаёт как «цель в себе» [4, с. 3–4]. Иными словами, на самом деле цель есть, только существует она уже не в утилитарном смысле, уже не побуждается каким-то внешним мотивом. В принципе, можно хотя бы теоретически представить ситуацию,

когда полностью обеспеченный за счёт слуг гражданин полиса вдруг начинает трудиться в прямом смысле слова (например, начинает заниматься каким-то ремеслом или даже простой физической работой), т. е. осуществляемая им самим деятельность внешне выглядит как имеющая вполне утилитарную цель. Легко показать, что на самом деле никакой связи с мотивом удовлетворения базовых потребностей эта деятельность не имеет, т. е. её истинная цель не отвечает тому, для чего в обычной ситуации такая деятельность предназначена. Отвлекаясь от массы возможных вариантов ответов, как и почему такая ситуация возникла, вполне возможным, наряду с другими, выглядит такой: гражданин искренне проникся указанной деятельностью, занимается ею с удовольствием и ради неё самой. Таким образом, главный критерий, заключающийся в требовании отсутствия утилитарной цели, здесь вполне выполняется, и вроде бы ничто не мешает считать такую деятельность свободной. Однако этот вопрос античная традиция, в целом, старается обходить. Аристотель, вероятно, вполне понимал, что дело не только в упомянутом критерии, поскольку могут существовать деятельности, ему удовлетворяющие, но при этом считать их истинно свободными достаточно сложно. Требование к уровню творческих потенциалов, к содержанию деятельности здесь ощутимо наличествует, но чётко не артикулируется, поскольку, видимо, является самоочевидным.

Освобождение же занятия от первоначального мотива при условии сохранения самого занятия тогда, когда оно обусловлено и осуществляется как деятельность, протекающая в фор-

¹ В уточнённой формулировке гипотеза представляет собой четыре проверяемых положения-следствия. Подтверждающие их выкладки и резюмирующая их таблица приведены на с. 412–419 указанной работы [5, с. 412–419].

ме труда (работы), т. е. деятельность первого вида, – представляется невозможным и абсурдным, поскольку единственная причина, почему индивид соглашается прилагать свои силы к этому, с любой другой стороны бессмысленному предпрятию, – это требующие удовлетворения его базовые потребности. По данным указанного исследования, в профессиях, занятых трудом на конвейере (здесь наиболее показательный пример), «фиксируется лишь один сильный мотиватор, и этот мотиватор как раз зарплата» [5, с. 415]. Словом, предмет этих потребностей и есть мотив деятельности индивида. Освободиться тем или иным способом от этого мотива – значит утратить единственное основание заниматься соответствующим ему делом (действовать соответственно цели). Смерть мотива влечёт, таким образом, смерть занятия.

Особенность третьего вида деятельности, как он здесь обозначен, как раз и состоит в том, что сдвиг мотива на цель является для него атрибутивным. Освобождение от исконного мотива, толкающего индивида к действию, не будет означать в этом случае прекращения занятия. Наоборот, именно оно только и делает его возможным. Ликвидация мотива, отвечающего базовым потребностям индивида, путём создания условий, делающих возможной замену его мотивом-целью, видимо, и означает ликвидацию принуждения и обеспечение возможности творчески действовать.

Говоря о трёх видах деятельности, нельзя не заметить, что, когда дело касается терминологии, призванной как раз обозначить нюансы и тем самым провести читаемую границу между от-

личающимися явлениями, ситуация выглядит достаточно сложной. Часто употребляемые применительно к рассматриваемой области термины, такие как «работа», «ремесло», «труд», выглядят аморфно. Они могут применяться для обозначения любого из названных видов деятельности, что не совсем корректно, так как речь всё же идёт о разных явлениях. Негативным эффектом такого аморфизма является аморфизм в восприятии видов деятельности, которые, если и полагаются отличающимися, то скорее в примитивно-количественном смысле.

Понятия «труд» и «работа», как уже было упомянуто в случае с Х. Арендт, в силу ряда обстоятельств (среди которых обычно выделяется лингвистический фактор) нередко выступают тождественными. Вопрос о целесообразности их разделения был актуализирован, например, в форме придания «труду» статуса находящейся вне принуждения и реализующей творческие потенции и саму природу человека деятельности. «Работа» же интерпретируется в качестве деятельности, атрибутами которой и являются те самые принуждение, утрата человеком собственной природы и т. д. [9, с. 226–248]. Деятельность, получающую таким образом имя «труд», можно понимать как нечто, в сущностных чертах схожее с предложенным здесь третьим видом деятельности, а деятельность, именованную «работой» – с первым. Однако всё это никак не решает вопроса о том, нужно ли вообще разводить данные термины, и скорее является следствием принятия той или иной позиции.

Может иметь место следующая логика: если согласиться с тем, что су-

ществуют виды деятельности (три), принципиально отличные друг от друга по ряду параметров, разумно будет полагать необходимым существование специальных терминов, подчёркивающих их уникальность и, тем самым, устраняющих всякого рода недоразумения. Для первого и третьего из этих видов, как было сказано, в принципе подойдёт использование терминов «работа» и «труд», но как раз здесь и возникает проблема. Устоявшееся их отождествление, в смысле обоюдной отнесённости к первому виду, в научной и обыденной лексике налицо и является сильным фактором инерции¹.

Никаких существенных интенций в сторону иного решения вопроса, в том числе через переориентацию отнесённости терминов на третий вид деятельности, не наблюдается в большинстве случаев. Впрочем, например, Л. фон Мизес различает труд, приносящий опосредованное удовлетворение, и труд, приносящий непосредственное удовлетворение. Первый – это труд в «классическом» его понимании, т. е. отождествлённый с работой, с первым видом деятельности. Второй часто не может быть назван трудом в строгом смысле этого слова, поскольку здесь отсутствует применение индивидами физиологических функций для достижения целей, отличных от их простого проявления (суть труда по Л. фон Мизесу).

¹ Именно на деятельность первого вида и ту иррациональную социально-экономическую и психологическую ситуацию, которую она продуцирует и, в то же время, продуктом которой является, направлено содержание «Манифеста против труда» группы «Кризис». Освободиться от труда, таким образом, не значит культивировать примитивное безделье [2].

Такая деятельность выступает в форме простого удовольствия или игры.

Тем не менее, труд, приносящий непосредственное удовлетворение, всё же существует. Но таковым он может являться лишь при особых обстоятельствах и малых его количествах, настолько малых, что его значение для человеческой деятельности и производства стремится к нулю [8, с. 130–131]. В этом плане показательно следующее замечание: «Наш мир характеризуется феноменом отрицательной полезности труда. Люди обменивают труд, приносящий отрицательную полезность, на продукты труда; труд является для них источником опосредованного удовлетворения. В той мере, в какой конкретный вид труда приносит ограниченное количество удовольствия, а не страдания, непосредственное удовлетворение, а не тягость труда, оплата его выполнения не производится. Наоборот, исполнитель, “работник”, должен купить это удовольствие и заплатить за него» [8, с. 131].

Что же касается обозначенного нами третьего вида деятельности, атрибутом которого выступает сдвиг мотива на цель, то, по мнению Л. фон Мизеса, обретение занятием статуса самоценного возможно лишь применительно к ситуации, когда им заняты люди, являющиеся пионерами областей знания, творческими гениями. Такие занятия, ввиду утраты ими роли средства и превращения в цель саму по себе, не могут быть интерпретированы как труд. Их творческие достижения – подарок судьбы, никак не являющийся результатом производства в экономическом смысле. Гений, в дополнение ко всему, не извлекает

из своих занятий ни опосредованного, ни непосредственного удовлетворения. Его творчество, конструктивное «вовне», деструктивно по отношению к нему самому, являясь источником страданий, не имеющих ничего общего со смыслом, обычно придаваемым таким понятиям, как труд, работа, успех, наслаждение жизнью и т. д. [8, с. 131–133].

Попытка решить проблему разграничения понятий «работа» и «труд» через автоматическую интерпретацию последнего как деятельности, реализующей творческие потенции человека, его собственную природу и т. д., выглядит не очень убедительно. Ю.Н. Давыдов замечает, что когда речь заходит об «отчуждении труда», имеется в виду скорее отчуждение некоего идеала труда, по умолчанию подразумеваемого, но не имеющего никакого прямого отношения к действительности [3, с. 59]. Постулировать такое значение труда вполне возможно, но, в силу указанного замечания и упомянутого выше фактора инерции в словоупотреблении, возникает некоторое сомнение в эффективности данного пути решения проблемы. В дополнение ко всему, остаётся неясным, какое место здесь должна занять деятельность второго типа. Ремесло, как наглядный пример такой деятельности, не может в силу объективных причин отождествляться ни с деятельностью конвейерного рабочего, ни, например, с реальной исследовательской деятельностью учёного.

Перспективным вариантом выхода из сложившейся ситуации представляется использование триадических схем. Х. Арендт говорит о труде (работе), создании (изготовлении) и

действии (поступке), которым соответствуют *animal laborans* (человек как трудящееся животное), *homo faber* (человек создающий, причём создающий акцентировано инструментально, мастеращий) и *человек действующий* (здесь его преобразующая, творящая деятельность разворачивается в сфере публичного; это своего рода «творческая» социальная практика) [1]. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько удачно подобраны термины и насколько сильным является соответствие их значений сути предложенных трёх видов деятельности, можно отметить, что сам принцип кажется вполне уместным. Видимо, именно в этом ключе может вестись разработка адекватного терминологического аппарата.

В итоге суммарная картина, отражающая сходства и различия между тремя видами деятельности, такова. Первый и второй виды деятельности осуществляются в условиях принуждения и преимущественно вне какого бы то ни было творческого процесса (творческий потенциал второго как минимум невысок, у первого же таковой полностью отсутствует). Ведущий мотив одинаков для обоих видов и отвечает необходимости и желанию удовлетворять базовые потребности индивида. Отличие же заключается в том, что в первом случае произведённый продукт ориентирован на потребление, во втором – на употребление. Кроме того, принципиальная разница заключается в целостности процесса и относительном богатстве содержания деятельности, обуславливающих высокие требования к уровню мастерства (да и сами требования к квалификации как та-

ковой), для второго вида и, соответственно, в отсутствии таковых для первого. Третий вид деятельности, в свою очередь, характеризуется такими особенностями, как возможность состояться исключительно вне принуждения, наличие творческого компонента в качестве обязательного, а также возможность и реализация сдвига мотива на цель.

В дополнение к этому, существуют некоторые затруднения, касающиеся решения вопроса о терминологии. Этот вопрос, по-видимому, может решаться посредством использования адекватной триадической схемы, составляющие элементы которой должны находиться в прямом и предельно полном соответствии с обозначенными видами деятельности. Чисто технических же решений, со ссылкой на всё их несовершенство, можно предложить сколь угодно много: работа – ремесло – труд; труд / работа – ремесло – творчество; отчуждённый труд – частично отчуждённый труд – неотчуждённый труд и т. д.¹

Если представить своеобразный континуум, по мере движения по которому слева направо будут изменяться, возрастать некоторые избранные (и определённые выше) характеристики, то в крайней левой его точке будут находиться деятельности, целиком соответствующие первому

виду. В крайней правой – те, соответствие которых третьему виду также бесспорно. Область между двумя этими точками будет заполнена многочисленными переходными формами, главные среди которых, обеспечивающие своего рода баланс между принуждением и свободой, шаблоном и творчеством, могут быть отнесены к рассмотренному здесь второму виду деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арендт Х. *Vita activa* или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Группа «Кризис». Манифест против труда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krisis.org/1999/manifest-protiftruda> (дата обращения: 10.02.2014).
3. Давыдов Ю. Н. Труд и искусство: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. 670 с.
4. Джохадзе И. Д. Homo faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6 (45). С. 3–17.
5. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.
6. Леонтьев А. Н. Автоматизация и человек // Психологические исследования. 1972. Вып. 2. С. 3–12.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 353 с.
8. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
9. Парцвания В. В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. СПб.: Университетская книга, 2003. 371 с.
10. Ритцер Д. Макдональдизация общества 5. М.: Издательская консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.
11. Тэйлор Ф. Принципы научного менеджмента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.improvement.ru/bibliot/taylor/index.shtml> (дата обращения: 12.03.2014).

¹ Наиболее близким соответствием для второго вида деятельности является, возможно, τέχνη древних греков. В пользу этого говорит свойственная τέχνη ориентация на практическую пользу, комплекс специальных знаний и умений как фундамент τέχνη, в отсутствие которого понятие просто теряет смысл, как и обязательное требование к возможности обучать данным знаниям и умениям [13, с. 105–106].

12. Braverman, Harry. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. New York: Monthly Review Press, 1998. 465 p.
13. Heinemann, Felix. Eine vorplatonische Theorie der τέχνη // Museum Helveticum. 18. 1961. S. 105–130.